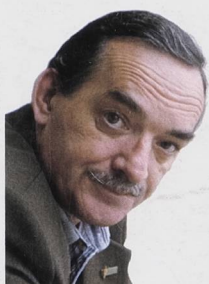

Олег Петров

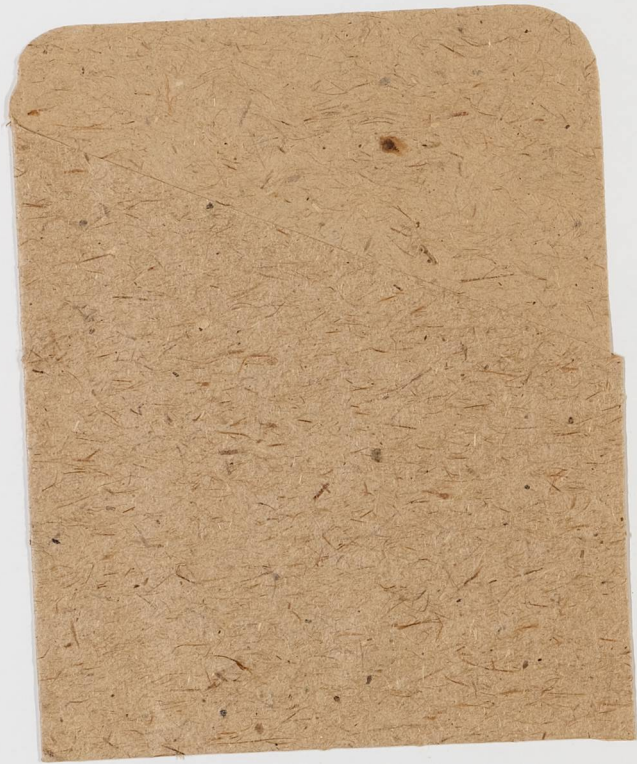

Бориска и Федор

повесть

2.0.12731

Олег Петров

повесть

Бориска и Федор

Чита 2006

к 84 + 84(2=Рус)7

1730

УДК 882

ББК 84 (2=РУС) 7 + К84

П 30

П 30

О. Петров

БОРИСКА И ФЕДОР. Повесть – Чита: Творческая группа «Союз Искусств», 2006. – 96 стр.

В детективной повести «Бориска и Федор» рассказывается об одной из трагических страниц времен Дальне-Восточной Республики – борьбе уголовного розыска с терроризировавшей Читу бандой Константина Ленкова. Повесть дополняет предыдущую работу автора на эту тему – документальный детектив «Свинцовая точка» – и раскрывает один из поразительных эпизодов, когда вместо настоящего бандита все перипетии уголовного преследования прошел совершенно не связанный с бандитами-ленковцами подросток. Но была в том и его вина. Все имена, события и факты, изложенные в книге, цитируемые документы являются подлинными.

ЗАБАЙКАЛЬСКАЯ
КРАЕВАЯ БИБЛИОТЕКА
им. А.С. Пушкина

2.0, 12731

фонд
краеведения

© Все права защищены законом
об авторском праве.
Использование материалов
возможно только с письменного
разрешения автора.

© Петров О., 2006

2015

ИЗ ПОСТАНОВЛЕНИЯ

временно исполняющего должность особого следователя Высшего Кассационного суда Дальне-Восточной Республики

«Начиная с осени 1921 года г. Чита и ее окрестности стали местом целого ряда тягчайших преступлений. При этом как самый способ совершения этих преступлений и почти одинаковые приемы злоумышленников, так и быстрота, решительность и крайняя жестокость их действий, а равно отсутствие каких-либо следов — дали основание предполагать, что преступления эти совершаются лицами, составляющими одну преступную шайку и занимающимися преступной деятельностью как ремеслом. Предположения эти скоро оправдались. После непрерывных, настойчивых наблюдений и поисков уголовному розыску удалось обнаружить преступную шайку с значительным количеством членов, спаянных дисциплиной, за малейшее нарушение которой провинившимся грозила смерть...»

[1922 г.]

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

В документальной и художественной литературе, освещающей перипетию борьбы с уголовщиной после Октябрьского переворота 1917 года, вновь и вновь возникает фигура якобы знаменитого питерского налетчика Леньки Пантелеева. Вновь и вновь повествуется о том, что это был неуловимый и дерзкий бандит, терроризировавший один из крупнейших городов России. Однако изучение походов Пантелеева показывает, что возглавляемая им преступная группа была довольно малочисленна, а разбойная деятельность – непродолжительна. Но фигура овеяна таким ореолом уголовной «славы», что создается впечатление – после 1917 года крупнее уголовного преступника не было.

Вместе с тем, в 1921-1922 годах в Чите действовало организованное преступное сообщество, в которое входило только более сотни активных членов. Строжайшая конспирация, широкий подкуп, говоря современным языком, работников правопорядка, преступный размах и фигура главаря – Константина Ленкова полностью затмевают деяния и личность его питерского коллеги. Достаточно сказать, что на скамье подсудимых в 1922 году оказалось разом 74 бандита. Такого процесса над уголовщиной российской Фемида не знает до сегодняшнего дня.

Об одном из эпизодов борьбы с бандитами, трагическом и нелепом, рассказывает эта книга. В ней нет ни одного вымышленного факта, ни одного придуманного персонажа. Все цитируемые документы – подлинны. Книга основана на неизвестных широкому читателю документальных источниках, хранящихся в Государственном архиве Читинской области (ныне – Забайкальского края). Орфография и пунктуация документов сохранены.

Исторический фон повествования заслуживает некоторой характеристики... В течение мая 1918 года во Владивостоке сконцентрировалось около 16 тысяч чехословаков – часть чехословацкого корпуса, которому по решению советского правительства был разрешен выезд по Транссибу

на Дальний Восток для дальнейшего следования на родину. Но, как известно, в целях борьбы с большевиками корпус белочехов, как его называли, был активно использован для свержения новой власти в Приморье и обеспечения развертывания вооруженного белого движения и иностранной военной интервенции: 29 июня 1918 года белочехи при поддержке так называемых «союзных десантов» свергли во Владивостоке советскую власть. Ранее, 18 июня, японские войска захватили Благовещенск, а 5 сентября белогвардейские силы вошли в Хабаровск. К этому времени на Дальнем Востоке насчитывалось только 73 тысячи японских штыков, не считая американского экспедиционного корпуса генерала Гревса.

Особо следует заметить, что к началу мятежа белочехов составами с ними были забиты практически все станции и разъезды Транссибирской магистрали от Омска до Владивостока. Пожар гражданской войны и иностранной военной интервенции вспыхнул в Сибири практически повсеместно и достаточно организованно. В начале июля красным пришлось оставить Иркутск, 26 августа – Читу. Два года шла кровавая борьба, в результате которой белогвардейские силы и интервенты были вытеснены из Прибайкалья, Забайкалья и Восточного Приамурья. Но у партизанских сил возможностей для полного освобождения Дальнего Востока, конечно, не было. От Советской России достаточной вооруженной помощи пока тоже ждать не приходилось: гражданская война в центральной части, на западе, севере, юге РСФСР претерпевала самую драматическую фазу. Центральным Комитетом РКП(б) и Совнаркомом РСФСР перед Дальневосточным бюро партии была поставлена задача сделать все для того, чтобы не только отдалить войну Советской России с Японией, но и, если это окажется возможным, обойтись без нее. Решение этой задачи было найдено: создание «буфера» – нейтральной Дальне-Восточной Республики (ДВР). После длительных переговоров с различными политическими силами, 28 октября 1920 года в Чите состоялась конференция представителей правительств освобожденных от белых и интервентов территорий – Приморской, Амурской, Сахалинской, Восточно-Забайкальской, Камчатской областей. Конференция 10 ноября избрала центральное правительство ДВР в составе 5 коммунистов и 2 беспартийных. Председателем правительства с сохранением за ним функций министра иностранных дел был избран П.М. Никифоров. Была провозглашена демократическая республика с сохранением института частной собственности и политики добрососедского сотрудничества с окружающими республику государствами. Советизация ДВР на данном этапе была признана недопустимой. В январе прошли выборы в Учредительное собрание ДВР. Социалистический левый блок из 382 мест получил 275 и явился решающей силой учредительного собрания, принявшего Конституцию ДВР и декларировавшего суверенитет, независимость и самостоятельность нового государства, переход к ДВР договорных прав царской России на Китайской Восточной железной дороге, гарантию политических прав всем гражданам, отмену смертной каз-

ни и телесных наказаний. Была объявлена амнистия всем политзаключенным, принято обращение к иностранным государствам, призывающее их развивать с ДВР экономические отношения, инвестировать капиталы в промышленность республики. Столицей ДВР была объявлена Чита.

По решению ЦК РКП(б) в Читу для укрепления «буфера» были направлены П.Ф. Анохин (с правами секретаря ЦК партии большевиков) и В.К. Блюхер – для реорганизации вооруженных сил республики – Народно-Революционной Армии (НРА). 27 июня 1921 года Блюхера назначают главкомом НРА и военным министром ДВР.

Между тем тяжелая социально-политическая обстановка, сложившаяся в тот период в Забайкалье, породила волну уголовной преступности. Подняли голову не только старые уголовные «кадры», но и их новое «пополнение» – неудовлетворенная результатами борьбы за народную власть и установленными в ДВР буржуазными порядками довольно многочисленная прослойка бывших красных партизан, ожидавших с победой для себя льгот, привилегий и благ.

Глава 1

Лязгнул засов, гулко ухнув, приоткрылась обитая железными полосами дверь.

– Встать! Построиться! Доложить!

После громкой команды в камеру вошел высокий человек в старом, но аккуратно вычищенном черном кителе, какие носили еще государевы тюремные служаки. За спиной вошедшего теснились настороженные надзиратели.

– Я – начальник тюрьмы Григорьев. Есть ли ко мне вопросы, жалобы?

Арестанты молчали. Яшка Верховенцев дернулся было что-то выкрикнуть, но под пристальным взглядом старого Бизина пригнул голову за долговязого Проньку.

– Добре, – выждав, сказал Григорьев. – Но впредь требую доклада старшего по камере или ежедневного дежурного. Кто у вас за старшего? Ну, чего же молчите?

– Баталов Константин старшим будет, – негромко проговорил Бизин.

– Ну вот, а то я уж подумал, что у вас здесь порядка нет, – усмехнулся начальник тюрьмы, пристально поглядел на Бизина и бросил за спину:

– Заводи новенького!

В камеру неловко протиснулся невысокий паренек годков шестнадцати, настороженно, со злым беспокойством оглядывая новые лица, – тугие желваки на широкоскулом лице так и играют. От непривычного стойкого запаха вони и пота непроизвольно сморщился, чем сразу вызвал у наблюдавших за ним арестантов ухмылки.

Начальник тюрьмы еще раз цепким взглядом обвел камеру и вышел, напоследок громко сказав: «До свиданья!», на что камера ответила нестройным хором. Дверь захлопнулась, снова лязгнул засов и загремел ключ в замке.

Одетый в застиранные солдатские обноски новичок, набычившись, стоял у двери. Бизин сразу понял, что оголец только начинает свой тюремный опыт.

– Иди-ка, паря, сюда, – поманил Бизин новичка пальцем. Тот подошел. Камера выжидательно наблюдала за происходящим.

– Сначала, мил друг, представиться надо чесной кампании...

– Бориска я, Багров.

– И за что же ты, Бориска, на кичу загремел?

– Чаво?

Камера оглушительно заржала.

– Че ржете, мерины! – Парнишка сжал кулаки, попятившись к дверям.

– Тихо! – взмахнул рукой Бизин, прищурившись, еще раз оглядел новичка с головы до ног, поощрительно усмехнулся:

– Горячий ты мужик, Бориска! На кичу, мил друг, значит в тюрьму. Это ты еще освоишь... Ну, так, за что в камеру засунули?

– За что! Да ни за что, гады фараонские! – еще больше распаясь, выкрикнул Бориска. – Нашли, курошпы, крайнего!

– Га-га-га! – снова оглушительно заржали обитатели камеры. – Эва как! Цап-царап птичку и в клетку! Жертва безвинная объявилась! Гы-гы-гы!

Багров затравленно крутнул головой, коренастую фигуру внезапно забило мелкой, усиливающейся дрожью.

– А-а-а! – Новичок рванул от ворота вниз ветхую и грязную рубаху. Кто поближе к нему на нарах развалился, увидели розовые страшные рубцы на животе, еле успевшие поджечь корявые, рваные шрамы. – А-а-а!!! Сволочи! На чужом жирovali, а теперь забаву нашли, суки! А-а!..

Бизин понял, что парень явно не в себе, шальной и непредсказуемый в припадке, а может еще и падучей всерьез страдает.

– Эй, ты, Бориска, не ори! – крикнул Бизин, схватил вымытую Пронькой миску, постучал по шконке. – Не ори, твою мать, оглушил совсем! Побереги нервы, тут они тебе еще пригодятся... Пронька! – повернулся к испуганному дылде. – Чеши-ка на крайние нары, а на твое место паренька раненого устроим...

Пронька сгреб тощий матрас и свои шмотки, уныло поплелся на шконку у параша. А Бориска замолчал, тяжело дыша, согнувшись, привалился к столу.

– Садись-ка, мил человек, охолопись, – ласково промолвил Бизин, внимательно наблюдая за реакцией сокамерников, похлопал ладонью по своей постели. – Сюда, Бориска, иди, сюда...

Парень медленно оторвался от стола, подошел, присел на краешек.

– Ну вот, – степенно проговорил Бизин, довольный, что не увидел ропота на свои действия со стороны камерных обитателей. – Где это, солдатик, так тебя искромсало-то?

– С польского фронта еду. С врагами революции бился за свободу трудового народа... А это рвала меня шрапнель белополяцкая! Думал, подохну, ан нет, нате, пся крев, выкуси! Мы им тоже дали просрать! Эх! – Встрепенулся Бориска от нахлынувших воспоминаний.

– Ну-ну, понятное дело, – внутренне усмехаясь знакомству с «революционным героем», поддакнул Бизин. – А как же сюда-то вас угораздило, молодой человек?

История Бориски Багрова была незатейлива и проста.

Взрываясь матами и проклятиями, поднимаясь до высокой патетики, услышанной на фронте от комиссаров, а потом ныряя в деревенский примитивизм и дремучесть, Бориска рассказал, что до осени 1919 года он жил с матерью в деревушке Дровяной, занимался физическим трудом – возил лес для казны на одном из арендных участков Татауровской лесной дачи – солидного, простирающегося на десятки верст массива, в основном, хвойного леса, подступающего к Чите с запада.

На это с матерью и существовали. Но в конце года управляющий Ле-

Это была демоверсия книги - Бориска и Федор. Повесть

С полной версией книги, Вы можете ознакомиться в нашей библиотеке по адресу: Забайкальский край, г. Чита, ул. Ангарская, д. 34